

Елена Николаева-Цыганкова

Сказки для всех

Елена Николаева-Цыганкова

Сказки для всех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607864

ISBN 9785449039668

Аннотация

«Пусть у тебя будет сердце, которое никогда не ожесточится, и характер, который никогда не испортится, и прикосновение, которое никогда не ранит». Чарльз Диккенс Сказки о человечности, о вечности добра, о любви к миру, к людям.

Содержание

Терем	5
Громадьё	11
Сага о котах и людях	20
Вступление	20
Сага о котах и людях	23
Вечер первый	23
Сага о котах и людях	27
Вечер второй	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сказки для всех

**Елена Николаева-
Цыганкова**

© Елена Николаева-Цыганкова, 2020

ISBN 978-5-4490-3966-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Терем

В высоком тереме над обрывом полноводной реки жила-была Акулина Саввишна. Жила себе не тужила.

Давно это было, так давно, что только предание старое и осталось от этой сказки.

Терем тот настолько глубоко был спрятан от людских взоров, что и не знал о нём никто.

Но так случилось, что в осеннюю пору, уж деревья все почти сбросили свой покров, по той дальней реке, что спрятана была в гуще лесов непроходимых, проплывал на своём плоту добрый молодец.

Не сиделось молодцу дома. Всё его звала вперед мечта о несбывшемся. Всё думал он, что ждёт его за полями обширными, за лесами темными тайна. И непременно надо было ему найти ту тайну. Может и широта души молодца была так велика, что хотелось ему добыть красоту Мира для всего мира.

Звали молодца Савва Кузьмич. Родом он был из самого сердца Руси обширной. И уж как его занесло в те леса густые, чащи непролазные, неведомо.

В одно прекрасное и золотое утро, Савва Кузьмич, управляя своим простым суденышком, подняв лицо вверх, подставил его лучам утреннего прохладного солнышка. Вот тут-то он и заметил на берегу крутом и обрывистом терем высокий,

резной.

Враз созрело в нём решение разведать, что за терем в чащах нехоженных, что за люди живут в лесах необитаемых, необжитых.

И тут же стал искать себе молодец место пристани. Да высоки были берега реки. Непрístupен терем казался.

Но Савва Кузьмич несколько не испугался. А наоборот, только раззадорился.

Запел он песню свою громкую, звонкую, веселую. А вы и сами знаете, что с песней все дела ладятся. Так и не заметил он, как прибился плот к бережку малому. Только-только и хватило места, чтобы ногу поставить.

Выпрыгнул Савва Кузьмич на берег, да как белка по склону песчаному поднялся в мгновение ока вверх.

Поднял голову из-за обрыва, чтобы получше рассмотреть терем резной, что с реки ему увиделся, а терема-то и нет.

Молодец взглядом туда-сюда пробежался, нет терема, как и не было. Лишь то, что ему крышей терема показалось, представилось ему. Стоят две ели древние, наклонились друг к другу головами, будто крыша образовалась.

Зажмурился молодец, да про себя слова заветные сказал. Открыл глаза, а у него под носом лисица сидит, хвостом землю метет.

– Что надобно тебе, добрый молодец? – молвила лисица, – зачем в дали нехоженные пожаловал? С добром ли пришёл?

Поклонился Савва Кузьмич лисице:

– Благодарствую за теплый приём, да слова добрые, зверь лесной! Не ведомо ли тебе, милая сестрица-лисица, что за терем резной на обрыве стоял? Что за люди в нём живут?

– Ведомо, мне добрый молодец, что за люди здесь живут! Почитай, ты в родные места наши пожаловал. Так как не знать, какие жители в краях лесных обитают?

– А почему же, сестрица милая, терем пропал, стоило мне на берег выйти? Неужто страшен я? Неужто думаешь, что злодей я какой или лихоимец? Отродясь не было в нашем роду супостатов. Страшное дело это – зло чинить людям и зверям.

– Не страшен ты, добрый молодец! Ну а речи твои очень сладкие. От таких речей хочется мне показать тебе красоту наших лесов темных, да полей обширных.

Но вот погоди-ка ты, молодец. Задам я тебе задачку. Сможешь решить, будь по-твоему: покажу я тебе и терем резной, и обитателей местных. Ну, а если не сможешь, то уж сам на себя и пеняй.

Расскажи-ка мне, молодец, каков мир? Добр он или зол? Да и как показать сможешь, где добро, а где зло?

– Вот задала ты, сестрица, мне задачу. Многие годы люди этот вопрос решают, да решить не могут. Века уж прошли, а вопрос так по-прежнему и стоит перед родом людским. Ну раз уж взялся за дело, то отступать некуда. Послушай, что расскажу тебе, а ты уж сама решишь, есть в моей сказке правда или нет:

Ушел я из дому, да в странствие отправился по лесам дальним, по полям бескрайним. Ушел, да не просто так. Манила меня к себе красота. Да, ты, конечно, можешь сказать, что красота во всем, и рядом с нами притаилась. Ведь и в былинке малой, и в жучке-невеличке она есть. Ведь промысел-то на всё Божий. Не может быть некрасиво то, что Творец создал.

Но хотелось мне увидеть дали дальние! Хотелось мне полетов! Песни хотелось! Жизни хотелось огромной, безмерной! Для всех жизни хотелось красивой и ласковой! Чтобы жили люди в землях своих без бед и горестей. Ну, хотеть-то – это одно, а делать-то ведь другое!

Ну что ж, я вольный ветер! Собрался, да в путь отправился! Знаю, чувствую, что есть на земле нашей место радости всеобщей, да чуду чудному!

Вот уж пятый год странствую я по свету белому. Странствую, да дивлюсь. Куда бы взгляд мой ни упал, на чтобы глаза мои ни смотрели, везде, так же как и дома, в краях родных моих, красота живет. И в зверях лесных, и в цветах полевых, и в легких облаках, что несутся над нами. И в людях встречаемых!

Куда бы я ни пришел – везде торжество творения. Вот и терем, что привлек меня своим видом чудным, звал меня к себе, звал!

Ну, что мне про зло сказать? Есть ли оно? И где оно может

прятаться? Видел зло. Долго думу думал. У ветра спрашивал совета. У солнца спрашивал, у звезд, у полей и рек.

А потом совершенно отчетливо понял, что зло в нас. И родится оно в нас от того, что думаем много о себе. Не о брате думаем своём, не о звере лесном да домашнем, а о себе. А победить зло в себе думаю что можно. Нет такого на земле, что победить нельзя! Добро – оно и в сказках торжествует! Значит посему выходит: добро есть любовь ко всему и ко всем! А зло есть думы о себе, да о мошне своей.

И Савва Кузьмич вновь поклонился лисице:

– Вот тебе, сестрица, и ответ на твой вопрос! Коли не верен ответ мой, не обессудь. А коли верен, покажи мне красоты краев дальних, да обитателей лесных!

– Ну что ж, добрый молодец, благодарю тебя за удивительную твою сказку! – и ударилась лисица оземь, в тот же миг стала она девицей Акулиной Саввишной.

И возник за ней терем высокий резной.

Подивился Савва Кузьмич превращению этому. Но вида не подал. Что ж, все мы меняем вид свой. И в звере лесном человек может скрываться. Да и в человеке может зверь скрываться.

Повела его Акулина Саввишна в терем высокий. Повела ему о жизни своей лесной. Показала красоты земные! Видать, верен был ответ молодца на её вопрос.

С тех пор, ой, давних-давних пор, живут в лесных лесах и далях, на берегах обрывистой и полноводной реки доб-

рый молодец и краса-девица. Живут, помогают людям, вдруг в края их далекие забредающим, разглядеть красоты земные, да добро и чудо, что живут в каждом творении.

Громадьё

– Боже ж ты мой! До чего хорошо в деревне! – думал я, засыпая на сеновале у бабули в деревне. Стрекот кузнечиков, рой ароматов деревенских сопровождал мой сон, являясь дивным аккомпанементом ночи.

Я проснулся от щекотания. – Ох ты, – вспомнил я тут же, что сплю на сене, и что, должно быть, травина забралась под рубаху и щекотит меня.

Я приоткрыл глаз. Руками было двигать неохота. Только-только начало светать. Даже петухи пропели лишь раз.

Но, приоткрыв глаза, я тут же распахнул их широко. И даже от удивления присел, оглядывая себя и пространство вокруг.

На мне гроздьями висели человечки. Вокруг меня собралась, как мне показалось, добрая сотня таких же малышей.

– Э, вы кто это такие? – спросил я одного из них, сняв его со своей рубахи.

– Э, мы-то понятно кто такие. Век здесь живем, да не один. А ты что на нашем сеновале делаешь? Кто таков? – задал мне вопрос малюсенький человечек.

– Ну вот тебе и здрасьте! – сказал я. – Я-то понятно кто. Я Коля, внук Настасьи Потаповны и Михаила Тимофеича. Вот на каникулы приехал. А вы-то откуда тут? Я в деревне каждое лето отдыхаю, но вас что-то раньше не замечал.

– Не было надобности нам выходить, вот и не выходили мы, – сказал малыш. – А теперь появилась надобность. Но мы надеялись на встречу с Михаилом Тимофеичем, а вот вишь-ты как, тебя встретили.

– А, так вам дед мой нужен? Так нет его. Он в город уехал. Через месяц вернется. А я пока вместо деда бабуле помогаю.

– Так что ежели к деду вы, приходите через месяц, – продолжил я. – Хотя чего уж ждать, говорите, может и я вам чем пригожусь. Зачем приходили? Что за нужда вас заставила выйти из подполья, или как там называется место, где вы живете?

– Сам ты в подполье живешь, – обиделся на меня малец. – Мы из страны Громадьё. Знаешь такую? – спросил меня человек и стал пристально всматриваться в меня.

– Эээээ, – в раздумье я почесал макушку. С головы в тот же миг посыпались мальцы. Оказывается и на голове у меня схоронились некоторые жители загадочной страны.

– Э-э, поосторожней, Коля, пожалуйста, – пригрозил мне пальцем главный малец, тот, который стоял у меня на ладони. – Ты мне всех граждан сейчас распугаешь. Посмотри-ка на себя, а потом на нас. Вишь, маленькие мы. Нас легко обидеть. Даже нечаянно.

– Извините меня, не специально я. Буду, конечно, буду осторожнее впредь, – ответил я. – Ну а страны такой – Громадьё – я не знаю. Даже не слыхивал. Так то наверное сказочная страна. А сказок-то я мало читал. А может вы и вовсе

из иностранных сказок в наших местах появились?

– Сам ты из иностранных сказок. Не сказочные мы. А самые настоящие Громадяне. Неужели не слыхивал? А дед твой, Михаил Тимофеич, неужто про нас не говорил тебе?

– Да что-то не припомню. Дед конечно сказочник ещё тот. Сказки он любил всегда. Бабушка его из-за сказок можно сказать и полюбила. Об этом мне правда бабушка говорила. А дед что-то молчит о сказках. А уж про вас и речи не было. Неужто я не пустился бы вас разыскивать, если бы знал о том, что вы есть на свете? Интересные вы люди.

Теперь уж черед пришел чесать голову мальцу главному. Стоял он у меня на ладони, да почесывал свою лохматую голову в глубоком раздумье. А потом будто решился на разговор со мной и продолжил.

– Знаешь, Коля, раз уж пришел нам час разобраться в нелегком для нас вопросе, то откладывать его до возвращения деда не будем. А будем лучше надеяться на твою голову, да на опыт наш. Глядишь, что толковое и выстроится.

Вдруг раздался голос бабушки:

– Коленька! С кем ты беседы ведешь там? Слазь давай. Самовар на столе. Пирог из печи сейчас доставать буду. Пойду Кляксу подою, молочком свежим тебя побалую.

И бабуля, звеня ведром, прошла в сарай.

Малец, приложив палец к губам, призвал свой народ и меня к молчанию. А потом, достав из-за пазухи ворох цветного порошка, веером пустил его по воздуху, раздув его. В тот же

миг исчезло все население страны Громадье. Будто и не было его.

– Иду, иду, бабуля, – сказал я, и осматриваясь, боясь раздавить кого-то из мальцов, поднялся из сена.

Внизу бабуля доила Кляксу – свою любимую козу, звонко стучали струи свежего молока по дну ведра.

Увидев меня, спускающегося по лестнице сверху, бабуля с улыбкой спросила меня:

– С кем разговоры-то вёл? С домовым что ли шептался? Или кикимора к тебе зашла сказку рассказать утреннюю?

– Неее, бабуля. Домового не было, да и кикиморы тоже, но кое о чем я хочу тебя спросить.

– Но это уж за завтраком поговорим, да спросишь что надо-то тебе, – ответила бабушка. И добавила:

– Иди давай, соня, умывайся, да за стол садись. В деревне-то мы рано встаем, с солнцем вместе, да с петухами. Да мы-то привычные к такому распорядку. А тебе тяжело наверное, но деревня-то лечит, да молочка сейчас волшебного Кляксиного выпьешь, совсем другим человеком станешь. Иди, иди, не стой столбом, просыпайся.

И я направился к умывальнику, что был у крыльца. Умывшись по-быстрому, вода ледяной мне показалась, я бегом поднялся по ступеням. Дом встретил меня запахом пирогов и душистостью чабреца, его бабушка заготовила на зиму, да развесила над полатями у печи.

Через минуту появилась бабуля. Накормила меня пирога-

ми с картошкой и творогом, напоила ароматным чаем. А потом уж сказала:

– Ну давай свои вопросы, что на сеновале спросить хотел.

Я, еще сомневаясь в правильности своих действий, немного замешкался. Думая и решая, стоит ли бабуле говорить про мальцов. Поверит ли она мне. А вдруг я тайну мальцов выдам. Решал-решал, а потом вдруг понял, что не зря же мальцы уж не в первый раз приходят. Да еще не куда-то там, к кому-то, а именно к деду и бабуле приходят. И решил:

– Бабуля, – спросил я её, – а знакома ли тебе такая страна – Громадьё? И жильцы её крохотные? Ну вот, размером с палец человека.

И показал бабушке свой мизинец, тем самым определяя размер человечков.

– Конечно, Коленька. Знамо дело, страна знакомая. Правда я там не бывала. Но дед о ней много раз говорил. Да деду-то лучше известна история с народом той страны. Когда-то, очень-очень давно, дед еще не был даже моим мужем, а только сватался ко мне, он рассказывал мне о той стране. Он мечтал попасть туда. Всё-то там у них удивительно было. Он хотел научить их становиться большими. Они грустили, что малы ростом. У страны-то какое название – Громадьё! Большая значит, даже огромная. А они все малыши. Вот и страдали они от несоответствия такого. Но что-то у них с дедом связь прервалась. Дед ждал-ждал их много лет. Но так и не дождался. А, погоди-ка, вспомнила я, дед-то

говорил им прийти к нему, когда он чуточку умом обрстет, да секрет может какой узнает, как им из малышей в великанов-то превратиться. Вот, точно! Так и было, как я могла такое забыть-то? Точно! Так все и было. И отложили они вопрос свой на несколько лет. Может на десяток лет, а может и не на один даже десяток.

– Стой-ка, Коленька, а чего это ты спрашиваешь про стра-ну-то эту? Ты-то откуда про неё знаешь? Дед говорил? Или они вернулись – Громадиане?

– Да, бабуля, вернулись они. Вот с утра с ними я и бесе-довал.

– А, вот оно как, я-то думала, ты с домовым беседуешь, а ты значит с мальцами говорил. Ну и что они говорят? Ре-шили свой вопрос о великанстве?

– Не знаю бабуля, мы об этом еще не успели поговорить. Они, услышав твой голос, исчезли. Но я надеюсь, что раз нуж-да их заставила прийти, то вернуться они. А теперь уж я знаю, чего они от деда хотели, может мне и удастся им помочь. По-ка не знаю как, но думаю, что нерешаемых вопросов нет.

День прошел в трудах и заботах. Мысли о стране Громадьё иногда всплывали в памяти, но так же и уходили, потому что дела и заботы дня отнимали все время.

Вечером я ходил на речку, искупался, и уже не такой утомленный с радостью возвращался на сеновал.

Стоило мне лишь подняться по лестнице, как меня уже

встречали граждане страны Громадьё.

Главный Громадианец обратился ко мне:

– Коля, мы просим прощения за свое внезапное исчезновение утром. Но человеческие голоса нам непривычны, поэтому и пришлось нам так быстро уйти в свои края. Но вопрос, который не дает покоя нам уже несколько десятков лет, стоит перед нами остро. Мы на своем совете дня постановили, что раз Михаила Тимофеича нет, то ты вполне можешь его заменить. Потому что ты его потомок, значит в тебе течет его кровь, значит в тебе есть и его знания, и его ум, и хватка его. Потому просим тебя помочь нам стать великанами.

То есть я не совсем точен. Просим тебя помочь нам стать размером с человека. Потому что мы считаем так: в стране с названием Громадьё должны жить люди, по величине соответствующие названию страны. Мы не знаем, как это сделать. Но знания человеческие плюс наши знания вполне могут помочь нам решить эту проблему. Так мы считаем.

И главный Громадианец поклонился после своей речи.

На раздумья у меня не было времени. Я посчитал, что то, о чем говорила мне утром бабушка, поможет мне верно высказать свою мысль о Громадианах и их стране.

– Уважаемые жители страны Громадьё! Уважаемый главный Громадианец! Прошу вас выслушать меня. Я понимаю, что ваши размеры, то есть размеры ваших тел, приносят вам мучения не в физическом смысле, а в смысле несоответствия вас и вашего внутреннего состояния. Вы на самом деле ве-

ликие! Вы большие! В вашей стране есть школы, университеты, планетарии, обсерватории. В вашей стране Громадье живут выдающиеся люди. Вы громадные в своей душе. Вы огромные, вы даже необъятные. Сила и широта вашей души безгранична. И такое несоответствие названия страны вашей и формы вашего тела вас повергают в уныние. И в вас закралась мысль, которая не дает вам покоя уже многие десятилетия. Эта мысль убивает вас. Она делает вас страдающими жителями такой огромной и щедрой страны Громадье.

Поверьте мне, не размеры тела играют роль. Не размеры. Но суть ваших душ безграничных, широта ваших душ дала название вашей стране. Вы на самом деле из страны Громадье! Вы честны и благородны! Вы великодушны и мужественны! Вы бесстрашны и терпеливы! Вы учитесь новому, вы стремитесь к знаниям! Вы и есть то самое Громадье! Поймите, не в размерах дело, а в сути! Нам, людям, надо бы приходиться к вам с поклоном, учиться у вас чудесам овладения собой! Учиться вашему благородству и великодушию! Нам надо учиться у вас многому! Вы уже великаны! Вы великаны в душе!

Я с поклоном отступил к лестнице, закончив свою речь.

Последовало молчание. И уже через несколько секунд раздались крики радости и овации! Мальцы подхватили своего главного Громадианца! И подкидывая его вверх, кричали ему:

– Ты! Самый умный, самый правильный из всех нас! Ты

говорил нам об этом же много-много раз! Человек лишь подтвердил твои слова! Мы просим прощения у тебя, о, Громадианец! Сколько времени ты нас терпел! Сколько вынес наших нападков! О! Слава тебе! О! Слава!

Потом они вдруг спохватились и начали водить хоровод вокруг меня! Они пели и дудели! Гвалт стоял такой, что даже Клякса подала голос! Видимо шум ей не нравился.

Громадиане притихли немного. И снова вперед выступил главный Громадианец:

– Спасибо тебе, Коля, внук Михаила Тимофеича, мы не ошиблись в тебе. Ты не зря являешься потомком главного сказочника. В тебе течет его кровь. Кровь сказителя. Мы даже не жалеем, что вынуждены были ждать много лет решения нашей проблемы. Потому что за это время мы стали еще сильнее и еще дружнее. И мы верим, что не зря когда-то наши мудрецы назвали нашу страну – Громадьё!

Сага о котях и людях

Вступление

На улице подмораживало. Ноябрь уже наступал на пятки октябрю. Пришла пора и морозцу. Вернулся я в тот памятный вечер домой поздно, мне не удалось протопить избушку свою сразу, так получилось, что я её истопил лишь перед самой ночью. И чтобы не угореть случайно, я сидел у окна, погасив везде свет. Расположился с удобством на подоконнике (в доме моем, старом очень, необыкновенно широкие подоконники), и любовался спелыми гроздьями звезд, что раскинулись в глубоком, темном и таинственном небе.

А когда пришла пора закрыть печную задвижку, я направился к печи. Задвинув её, я увидел сверчка, моего давнего друга, который выходил из-за печи.

Обрадовался я ему так, что мне и спать расхотелось. Давненько я не видел его. Устроились мы с ним возле исходящей теплом печи и наговорились обо всём по душам. Он мне рассказал о своём житье-бытье, а я о своей жизни поведал.

А потом он вспомнил о записях, им найденных. Им же и переведённых. А записи те содержали в себе жизнеописание одной семьи. Правда семья та была кошачьего рода. Не мне судить, хороша ли та летопись, но сверчок сказал,

что переводом он занимался очень долго. И очень надеялся, что ему удалось сохранить в записях тех колорит жизни той семьи. Почерк, правда, уточнил сверчок, не всегда был разборчив, но ему удалось восстановить пропущенные места и непонятные словосочетания.

Сверчок добавил, что он надеется на понимание, но не снисхождение к переводу его. Хотя тут же добавил:

– Ведь у вас, у людей, вооооон сколько переводчиков. Одного Шекспира кто только ни переводил. А тексты у всех переводчиков выходят разные. Так что ты уж пойми меня, что, хоть и будут встречаться неточности, ты пойми, что ведь не только я занимался переводом саг о котовом роде. Ну может и тавтология где встретится, и на это, думаю, ты найдешь причину.

Я удивился:

– А откуда тебе про тавтологию известно?

– Ну, друг ты мой, что ж ты в своём доме книг что ли не знаешь? Я у тебя всего и Шекспира перечитал, и Достоевского, уж про графа Толстого молчу – гигант, гигант мысли и слова. Словари все пересмотрел и даже словарями иностранных слов был заинтересован. Энциклопедии очень уважаю. Много у вас, людей, творческих лиц. Ну, я этому рад. Но ведь я не об этом.

– Скажу тебе, что пусть в летописи сей не найдешь ты мудрой мудрости, вот видишь, – сказал он, – вот и тавтология вышла, хоть и моя она собственная, но смысла это не меняет.

В сказках, в летописях, в записках и других записях много встречается мудрого, но спрятано оно бывает глубоко. Искать его там надо. Но ты, милый мой друг, и без меня знаешь вашу поговорку про того, кто ищет, тот всегда находит.

Кое-что мне пришлось в саге этой обработать, так скажу, что литературный стиль должен присутствовать в любом произведении, на мой взгляд.

Ну, вот и с предисловием закончу. А теперь послушай перевод саги о котах.

Пересказ сверчком этой летописи занял у нас много вечеров. И вам я её постараюсь изложить в той последовательности, в которой сам услышал.

Сага о котях и людях

Вечер первый

Рассказ Мирона о Родине

В одном семействе жили и радовали местных обитателей три кота.

Трудно сказать, было ли то семейство благочестивым и благородным, правда, и плохого сказать тоже ничего нельзя, но котов там почитали и любили. Вполне возможно, что именно любовь людей к котам и повлияла на самого главного кота написать сии записки о жизни в благородной семье благородных животных. А уж главный кот себя непременно считал самым важным и мудрым в семействе.

Главного и мудрого кота звали простым именем Мирон. Но хозяевам нравилось называть его Мироша. Но он был согласен на любое имя. Ему нравилось в этом доме всё.

Мироша в своем воображении часто выступал перед публикой. И получалось, что иногда он говорил так, будто у него берут интервью.

– Ну что можно сказать о жизни котовской? Жизнь как жизнь. Не хуже и не лучше, чем у других. Вы можете меня

спросить – откуда я могу это знать? Отвечу: знаю. Пожил я на свете. Может я, конечно, не мудрец-долгожитель, но случается так, что, прожив и небольшую жизнь можно помудреть, поумнеть.

Рождён я свободной матерью, красавицей из красавиц. Родился я, правда, в деревне на чердаке, но это несколько не умаляет нашей котовской родословной. Как мне кажется, а может и вовсе это чистая правда, мать моя прирожденная грация и гармония, которую можно унаследовать только из истинных дворянских и благородных корней.

Дворянские коты, да-да, вы не ослышались, дворянские, самые чистокровные. Наш род тянется из таких глубоких седин старины, что уж боюсь, как бы не обмануть вас упомянутыми годами, с которых пошли первые воспоминания о нас. А некоторые называют нас дворянскими с иронией. Или даже неким презрением к нашему простому происхождению, в роде: на дворе родились, вот и дворянские, а дело ведь не в том. Ну что же, я оставлю этот вопрос на совести говорящих таким образом людей.

Благородность по сути своей ведь и не корнями даже объясняется, тут внутри что-то такое... Ну, благое и родное что ли. Не в экстерьере дело, а в том, что внутри. А в матери моей, да и во всем роду нашем и доброта, и грация, и изящество, ум, музыкальность, такт, да еще много других достоинств. Ох, не растерять бы их со временем. А то получается, что как будто хвалюсь, но это не оно, это просто описание

имеющихся качеств, которые присущи многим из нас.

Вы возможно подумаете, что я оправдываю своё происхождение деревенское, дворянское, дворовое. Но нет.

Я не защищаю себя. Нет смысла. Я дворовый, дворянский, деревенский. Какая собственно разница, принц ты или нищий! Дело не в том, не в том! Ай, вот опять кипячусь. Зря я так. Я ведь хочу описать вам свою, и не только свою жизнь.

Недолго протекала моя жизнь на просторах деревеньки, что была моей родиной. Но помню я эту жизнь, впрочем, как и деревню свою, превосходно.

Дом, где мы жили, был с двумя этажами. Там никто не жил. Дом был оставлен прежними жильцами. А над вторым этажом притаился чердак. Вместительный, пахучий. За чем-то там хранилось сено и травы, навязанные в веники. Теперь-то мне известно это, семья, в которой я имею честь сейчас жить, так же вяжет веники из трав, а потом их заваривает. Пахнет, на мой взгляд, не очень хорошо. Но семейство жмурится от счастья и удовольствия, когда пьет свой пахучий летний чай.

Мама наша, зовут её Багира, она и впрямь похожа на Багиру, научила нас многому. Я потом, будучи взрослым, мультфильм смотрел, где есть большая кошка, очень похожая на маму, оттуда и знаю её схожесть с моей мамой.

Мы, благодаря стараниям матери нашей, научились радоваться всему. Играм, зрелищам, поискам еды, ловле небольших жуков и насекомых. Мы бегали, резвились, пели, ска-

кали, подпрыгивали, лазали везде. Рядом с домом почти у самого входа росли огромные ели. Иногда мы с сестрами и братьями наперегонки залезали на них. А потом кричали и звали маму. Мама подходила к дереву, ловко забиралась на него, а потом так же ловко спрыгивала, показывая нам, как надо делать. И говорила при этом, что мы своими криками можем привлечь волков. Ох, часто она пугала нас волками. И даже колыбельную нам всем пела про волчка, который ухватит за бочок и утащит во лесок.

Эх, вспоминаю сейчас, так хорошо то времечко было. Ну, в детстве наверное всем хорошо.

Сага о котях и людях

Вечер второй

Рассказ Мирона о новом доме

В один из летних дней, (ах да, забыл сказать вам, я ведь родился весной), начали братьев и сестер моих увозить из родного дома. Мне было уже по кошачьему летоисчислению несколько месяцев, а по человеческому времени – целых три года.

Узнали соседи о том, что мы все в брошенном доме живем, да и рассказали знакомым своим о большом семействе нашем. Пожалели, видно, нашу семью.

Приехали сначала девочка с папой. Мы перед домом на поляне играли в догонялки. Забрали Сержа и Николая. Очень им братья мои понравились. Потом одинокая бабушка появилась и забрала Кусю, сестрицу мою. Вскоре и за мной приехали. Таким образом, я перебрался на новое местожительство. Про мать и братьев своих, тех, которые остались в деревне, мне известно сейчас, что живут они и по сей день в той же деревне. У каждого брата и сестры свой дом есть, и говорят, что с хозяевами им повезло.

Про Боню, мама звала его Бонифаций, рассказывают, что

у него замечательный хозяин-друг. Он его любит как сына родного. Все для Бони. Но и Боня рад стараться, мышь, пойманная им, всегда бывает принесена хозяину. Показывает братец мой, что хлеб не зря ест в деревенском доме.

А мы ехали и ехали в наш дом новый. Мне так интересно было наблюдать из окна машины за проносящимися мимо нас деревьями и облаками. Голоса моих новых хозяев были ласковы. Я даже не испугался машины, в которой меня везли, хотя ехал на ней впервые.

Вот и новый мой дом. Удивительно, но ни одного знакомого запаха в нем. И я с удовольствием обошел и обнюхал все, до чего смог дотянуться. До чего не мог дотянуться, мал ведь был, подпрыгивал, нюхал и радовался.

Кормили меня хорошо. Разговаривали со мной все. Но я тогда мало понимал речь людей. Теперь-то я специалист по различению не только разговора, но и малейшего тона или даже полутона.

И потекла моя жизнь текуче и размеренно. За то время, пока я жил там один, мне, как самому любимому ребенку, было позволено все. Но я все себе не позволял. Благородство, сами понимаете, оно и есть благородство.

Я научился вот чему: приносить мышь или шарик, если хозяину хотелось со мной поиграть, понимать человеческий язык, понимать, что нельзя грызть хозяина за ноги, если он прилег или спит, ну и, в конце концов, я научился читать. Ой, какие книги мне удалось прочесть. Рад, что у нас дома

такая большая библиотека.

Много ли времени прошло, мало ли, не скажу. Сам времени счет потерял. Не от старости, а от спокойности и размеренности. И вот случилось же такое. Хозяевам моим видимо меня не хватало, а может заскучали они. И в один вечер принесли к нам в дом кошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.